

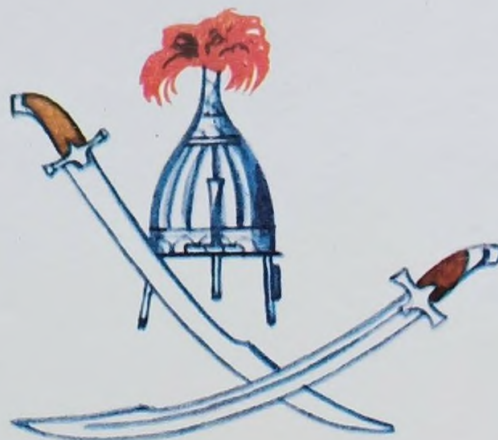
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

КОНСТАНТИН СЕРГИЕНКО

ИВАНОВ ЧЕРТЁЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ · 1987

Для младшего школьного возраста

**Константин Константинович Сергиенко
ИВАНОВ ЧЕРТЁЖ**

Художник В. Юдин.

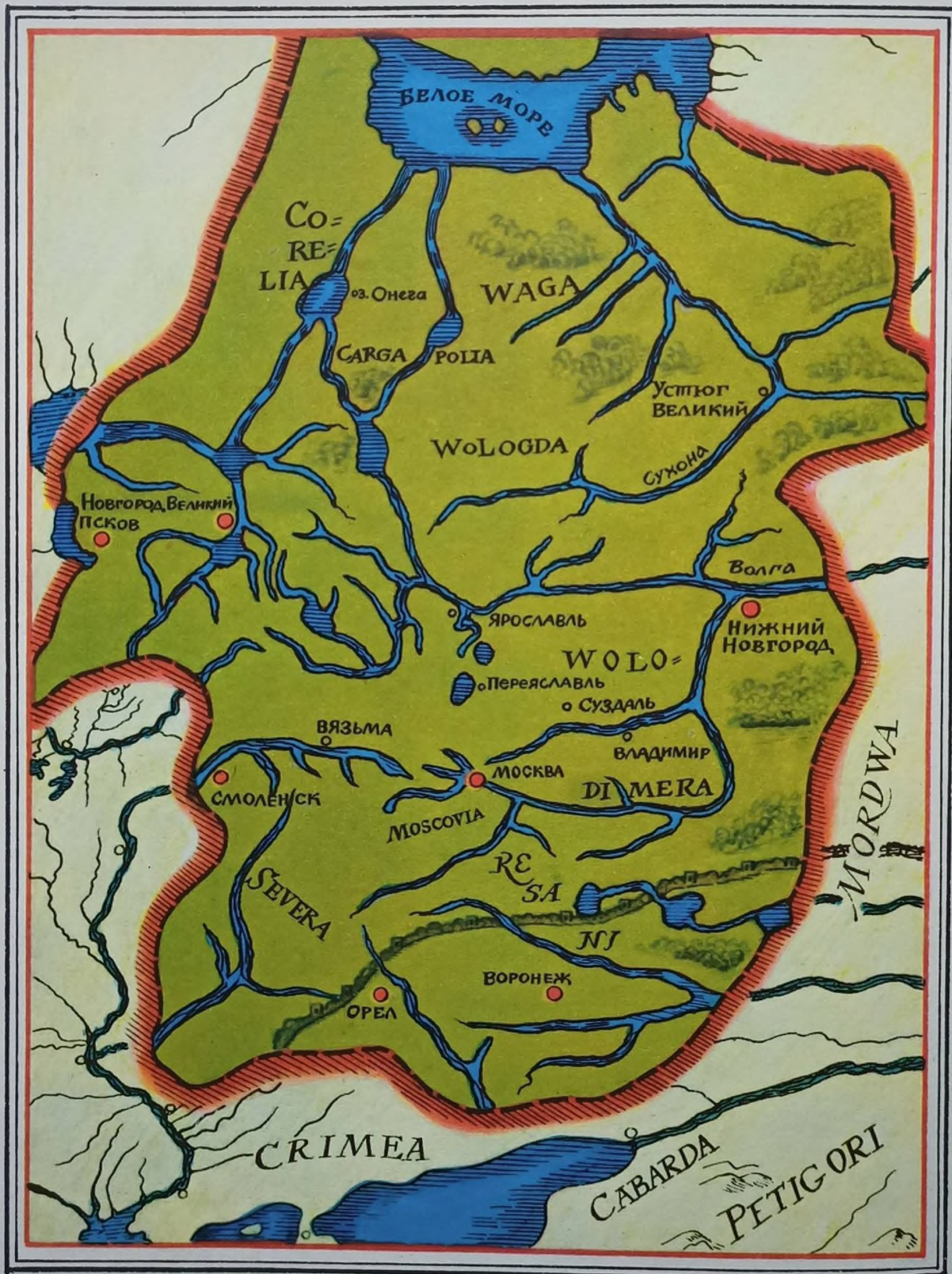
Редактор Т. Васильева
Художественный редактор М. Салтыков
Технический редактор Е. Соколова
Корректор Н. Шагина
ИБ № 2055

Сдано в набор 06.08.86. Подписано в печать 18.04.87. 60×90¹/₈. Бум. офс. № 1. Гарнитура Балтика. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 27,0. Уч.-изд. л. 3,17. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1522. Заказ № 1230. Цена 45 коп. Издательство «Малыш», 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

С 4803010102—047 81—87
М102(03)—87

© Издательство «Малыш» 1987

Константин Сергиенко

ИВАНОВ ЧЕРТЁЖ

Рисунки В. Нодина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ”
МОСКВА • 1987

Первая русская печатная карта Российского государства появилась в начале XVII века. Вычерчена она была неизвестными мастерами-картографами, подобными Ивашке — герою этой книги.

Это было нелёгкое для страны время. Россия была разорена длительной войной. Многолетние неурожаи вызвали великий голод. Толпы голодных людей бродили по дорогам, уходили в леса, нападали на помещиков. В стране не утихали крестьянские волнения...

Соседние государства решили воспользоваться крайне тяжёлым положением страны, захватить русские земли и подчинить себе русский народ.

Появление карты государства Российского как бы говорило: «Русская земля — едина. Нужно сплотиться, стать заодно, чтобы уберечь страну от иноземцев».

О событиях, связанных с созданием карты, и рассказывает эта книга.

ЗЕЛЁНАЯ ЗВЕЗДА

Полозья саней скрипели на морозе. Над Ивашкой тянулся белый раскидистый лес с чёрной небесной рекой посреди. В этой небесной реке зыбко блестели звёзды.

Звёзды стояли, а Ивашка ехал, накрывшись сермягой.

Зелёная звезда с неба опустилась к Ивашке в сани. В груди стало тепло, и он смежил веки.

Ивашка стал засыпать. Перед сном, как всегда, силился вспомнить отца да мать. Ивашка был сиротой: отца увела война, а матушку — голод. Спасибо, нашлись добрые люди, приютили мальчика. Теперь Ивашка ехал в Москву ладить в жизни свой путь.

Сквозь некрепкий сон слышал крики, топот. Не успел проснуться, его ударило о передок, выбросило из саней.

МАРЬИЦА

Очнулся Ивашка посреди дороги. Вокруг никого не было. Зелёная звезда опять унеслась в небо и молча смотрела на него из чёрной выси.

Ивашка потрогал затылок. Шапка с головы слетела, мороз схватил за уши. Зипун на Ивашке худой, обувь дырявая.

Ивашка встал. Снег на вековых деревьях голубел, сверкал холодными искрами. Красиво, да зябко.

Ивашка пошёл по дороге. Саженой через сто задрожал, кинулся в бег. Согрелся, но ненадолго. Ноги подгибались, горело в груди. Ивашка сел в снег и приготовился замерзнуть.

Тут из лесу вышла девчонка.

— Ты кто? — спросила она.

— Ивашка, — ответил он, стуча зубами.

— А я Марьица. Пойдём греться.

КНИГА

Ивашка попал к лесным разбоям. По-нынешнему сказать, разбойникам. А в те времена прозвание им было — шиши.

Шишей развелось много. Недовольный народ бежал в леса, собирался в ватаги, грабил бояр и царёвых людей.

Ивашкин обоз вёз снедь боярину. Шиши налетели и разметали обоз. Плохо пришлось бы Ивашке, кабы не Марьица.

Марьица привела Ивашку в землянку к атаману. Чернобородый и черноглазый атаман обрадовался, что Ивашка грамоте учён. Развернул тряпицу, вытащил книгу.

— Ты бы меня поучил. Страсть как хочу научиться читать! Эту книгу я у немца отбил. Она, брат, полкоровы стоит.

Ивашка раскрыл книгу. Побежали незнакомые буквы, замелькали невиданные картинки. Ивашка вздохнул.

— Книга и есть немецкая. Не по-нашему писана.

А в те времена немцами звали всех иноземных людей. Приедет иноземец в Москву, понятного слова молвить не может. Будто немой, одним словом — немец.

— Немецкая? — огорчился атаман. — А ты не умеешь?

— Вот доберусь до Москвы, выучусь, — пообещал Ивашка. И чернобородый атаман подарил Ивашке иноземную книгу.

НА БОЯРСКОМ ПОДВОРЬЕ

В Москве Ивашка оказался скоро.

Пограбленный боярин жаловался на шишей царю. Царь отрядил стрельцов, и те окружили лесных разбоев.

Одни шиши пали в бою, другие спрятались в лесу. Чернобородый атаман одолел царского сотника и ускакал на его коне. Ивашку с Марьицей поймали и привезли в боярские хоромы.

— Шишата? — сказал боярин. — Я вам покажу, как с малых лет грабить. Высечь их!

Боярский служка с бельмом в глазу потащил малолеток во двор.

— Дядька-милостивец, — попросил Ивашка, — Марьицу отпусти, она мне сестра.

— Я отпущу, а мне будет порка, — ответил служка.

— Я тебе книжку дам, — пообещал Ивашка, — она полкоровы стоит. Он вынул из-за пазухи атаманову книгу.

— Ишь ты, — подивился служка, — вчера такую за рупь продавали.

А в те времена на московский рубль можно было купить избу. Вот как дорого стоила книга.

— Ладно, — сказал служка, — сгиньте отсель. Боярину донесу, что сбежали.

Так и выкатились Ивашка с Марьицей с боярского двора.

ТОРГ

Очутились Ивашка с Марьицей на шумной торговой площади. Сейчас она называется Красной, а тогда звалась Пожаром.

На площади не протолкнуться. Пирожники, коробейники, калашники, квасники, блинники. Продавцы скобяных, лубяных, тканых, кожевенных товаров. Покупатели, праздные люди. Нищие, калеки, бродяги. Каждый толкует своё, торгуется, в драку кидается, мирится. Крик, шум.

Плещут на площади краски. Алые, лазоревые, зелёные, жёлтые. Горит шитьё на одежде, сверкают кольца, серьги, взблёскивают меха. Кто побогаче, у того всё напоказ. И оборванный нищеврод толкается, глазами зыркает, норовит прихватить, что плохо лежит.

Тут Лобное место, с какого царские указы кричат. Тут пушка стоит огромная. Царь-пушка. Тут высится собор Василия Блаженного с витыми, разномастными главами.

А Ивашка увидел вдруг боярского служку. Служка стоял в книжном ряду и торговал атамановой книгой. Высокий человек в распахнутом красном кафтане взял за плечо служку и громко спросил:

— Где добыл эту книгу?

Служка испугался. Увидел Ивашку, закричал:

— Не моя! Его это книга!

— Твоя? — спросил человек.

— Моя! — храбро ответил Ивашка. — Буду по ней чужие реченья учить.

— Книга эта поважней, чем ты думаешь, — сказал человек в красном кафтане. — Пошли-ка со мной.

— Без Марьицы я не могу, — ответил Ивашка.

Человек усмехнулся.

— А кто ж её гонит?

ЦАРЕВИЧ ФЁДОР

Высокий человек в красном кафтане был царским зодчим Фёдором Савельевым, по прозвищу Конь. Знатный умелец. Много построек возвёл на Москве. Каменной стеной Белого города окружил златоглавую.

Царь Борис Годунов к зодчеству благоволил. И сына своего царевича Фёдора учил вникать в дела государственные.

Фёдор Конь повёл Ивашку с Марьицей во дворец. Царевичу доложили, что пришёл к нему зодчий Конь с отроком и отроковицей.

В царской палате серебром да лазурью расписаны своды. Невиданные на них растения, звери. В белом персидском ковре утопает нога.

В парчовом кафтане, сафьяновых сапожках разгуливал по палате малец Ивашкиных лет. Руки держал за спиной, как взрослый, а в руках серебряный колоколец. То был сын царя Бориса Годунова — царевич Фёдор.

— Великий князь! — сказал Фёдор Конь. — Ивашка с Марьицей книгу тебе принесли. Давно мы такую искали. Тут есть чертежи московских земель, сделанные в иноземных краях. С великим умением рисованы. Да только стары, неточны. Пора свою карту ладить, чертёжное дело постигать.

Царевич подошёл к Ивашке.

— Где книгу взял?

— В дорожной переделке досталась, — храбро ответил Ивашка. — Кругом бой, свалка! Я книгу за пазуху — и бежать. Не в том дело, что полкоровы стоит, а страсть как люблю я книги.

— Грамоту знаешь?

— Знаю!

— Науки постигнуть хочешь?

— Хочу!

Фёдор Конь засмеялся:

— Вот нам и помощник нашёлся!

Царевич тряхнул колокольцем и объявил:

— Дать человеку Ивашке одежду и стол! Послать в учение к нашему зодчему Фёдору Савельеву. А Марьица пусть к царевне Ксении в светлицу идёт. Будет вместе с ней рукодельничать.

УЧЕНЬЕ

Вместе с Конём ездил Ивашка по Московской земле. В Смоленске на его глазах строилась огромная крепость со множеством башен. В южных степных краях поднимались новые города. Так необъятна была страна, что казалось, нет ей конца и края.

Многим премудростям зодчества обучился Ивашка, но больше всего преуспел в умении рисовать и читать чертежи. Фёдор Конь строил, а Ивашка изображал на бумаге.

Учился Ивашка определять расстояния между сёлами, городами, изображать дороги, озёра, реки. В те времена не было точных приборов, всё приходилось определять на глаз, и глаз у людей был намётанный, верный.

Залезет, бывало, Ивашка на гору или башню, разложит свои бумаги и всё в точности нарисует. Иной раз ни горы нет, ни башни, а Ивашка словно сверху всё видит. На глаз вёрсты и даже сажени верно говорит. Фёдор Конь дивился:

— У тебя глаз, что мерная бечева.

Присматривался и к жизни Ивашка. А жизнь была трудной. Надвигалось на страну лихолетье. Подступало время, которое потом назовут «смутным».

Ивашка вырослел, ума набирался. Через несколько лет крепкий отрок Ивашка явился в Москву.

В ЗАКАТНЫЕ СТРАНЫ

Царевич Фёдор тоже подрос. Подросла и его мечта о московской карте. Великий это труд, составить чертёж огромной земли! Давно уже шла к тому подготовка. Тысячи писцовых книг, росписей, дорожных наблюдений скопилось в кремлёвской Посольской избе. Собирались они без малого полтораста лет. Рисовались и карты, но всё ещё приблизительные, неточные.

— Поедешь на запад, в закатные страны. Прознаешь всё, наукой тамошней овладеешь,—напутствовал Ивашку царевич Фёдор.—Хочу, чтобы карта наша была не хуже франзейских да итальянских. Вот тебе на то государева грамота. А ещё жалован ты одеждой с моего плеча, да кошелём с червонцами.

Царевич позвонил в колоколец, и тотчас явились слуги, протягивая дары. Отдельно стояла золотокошая красавица в распашной алой шубке, держа на золотом подносе расшитый кошель.

— Не узнаёшь? — спросил царевич Фёдор.

— Ты ль это, Марьица? — в изумленье спросил Ивашка.

— Сама вызвалась кошель тебе расшивать, — сказал Фёдор.

Поклонился Ивашка Марьице, и она поклонилась ему в ответ.

Довольный и гордый шёл Ивашка кремлёвскими переходами. На плечах богатая одежда, в руках тяжёлый кошель. На красном бархате кошеля золотая бляха, а вокруг неё искусно вышитое растение, похожее на цветок иван-да-марья.

«Я ИЗУЧАЮ НЕБО...»

Минули годы.

По каменной брусчатке голландского города Лейдена шагал юноша в чёрном камзоле. На плечо ему опустился жёлтый кленовый лист, с неба упали дождевые капли. Была осень 1604 года.

Послышались крики, топот деревянных башмаков.

Из-за угла, хромая, выбежал человек. Человек споткнулся и упал.

— Спасите меня, добрый юноша, — проговорил он еле слышно, — за мной гонятся.

Юноша схватил раненого под мышки и оттащил в подворотню, сам же вернулся на мостовую.

— Где он? — кричали подбежавшие люди. — Где безбожник? Костёр для него готов!

— Он побежал туда, — юноша показал в сторону от подворотни.

Преследователи кинулись вниз по улице.

Юноша помог беглецу добраться до канала, которыми славны голландские города, а там на лодке привёз в своё жилище. Здесь он перевязал ему раны, поставил под ноги торфяную грелку. Осенью сыро в голландских домах.

— Сам бог послал вас мне навстречу, — сказал спасённый, — хотя никакого бога нет. Есть планеты и звёзды. Меня хотели сжечь за то, что я изучаю небо. Я — астроном.

— Вам надо спрятаться,— сказал юноша.

— Костры горят везде,— устало ответил беглец.— Даже в вашей Голландии.

— Но я не голландец,— ответил юноша,— я русский.

КАРТОГРАФЫ

— Так ты русский!— говорил Астроном.— Я знаю Москву. Это огромная страна. Сейчас ей грозит несчастье. Я слышал, что в Польской земле объявился человек, который называет себя царевичем Дмитрием. Говорят, это самозванец, беглый монах. Он собирает войско, чтоб идти на Москву и объявить себя царём.

— Я должен скорее вернуться на родину,— сказал Иван.— Здесь я учился строительному делу, картографии. Собирал карты Московии, сделанные в этих краях. Московской земле нужна карта.

— Я тоже картограф,— сказал Астроном.— Только я составляю карту звёздного неба.

Он задумался.

— В польских краях я видел учёного, который занимался картой Московии. Он умер, после него остались какие-то бумаги. Если ты поедешь через Краков, я дам тебе письмо к одному человеку. Возможно, это поможет тебе. Чем я могу ещё отплатить за своё спасение?

— Лучшая плата видеть тебя живым,— сказал Иван.

Они простились и пожелали друг другу успеха.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В недобрый час возвращался Иван на Московскую землю. Он побывал в Кракове, видел ещё одну карту своей родины, сделанную рукой чужеземца. Узнанного накопилось так много, что слитный облик Московии сложился у Ивана в голове.

На самом же деле в это время страна распадалась на части. С юга её терзали орды крымского хана, с севера собирались с силою шведы. С запада во главе наёмного войска наступал самозванец.

Весна 1605 года несла русской земле горе и смерть. Прилетали аисты, видели обгорелые трубы и не вили гнёзд, улетали неизвестно куда. Поля стояли невспаханные. Волки бродили стаями по пустым деревням. Вороны несметными тучами застили солнце.

В Чернигове Ивану сказали, что Борис Годунов неожиданно умер, и царём теперь молодой сын его Фёдор.

Иван прищиприл коня, на душе его было тревожно. Польские шляхтичи во главе с самозванцем стояли под Москвой.

Ивана останавливали на каждом шагу. То царские стрельцы, не знавшие, за кого воевать, то наёмники самозванца, то просто разбойники. Но, видно, удача ему сопутствовала, до Москвы добрался благополучно.

Когда въехал в город, яростно звонили колокола.

— Годуновых поубивали. И Фёдора-сыночка, и матушку его. Царь Дмитрий над нами будет,— говорили в толпе.

«СПАСАЙ НАШЕ ДЕЛО!»

В Москве Иван кинулся искать Фёдора Коня.

Царский зодчий, седобородый уже старик, был болен. Он обрадовался Ивану.

— Славно, что ты приехал! Беги в Кремль, спасай наше дело. Там сумятица, может успеешь взять чертежи. А то пропадут. Неизвестно, что за птица будет на троне. Говорят, это вовсе не царевич Дмитрий, а беглый монах Гришка Отрепьев.

Иван вскочил на коня.

В Кремле готовились к встрече нового царя. Пылали факелы, сновали польские гусары, ливонские копейщики, московские стрельцы. Блестели латы, звенело оружие, качались перья на шапках. Звучала нерусская речь.

Иван притворился иноземцем. Одежда на нём была голландская, на сапогах невиданные в московской земле шпоры.

Его отвели к капитану ливонских наёмников.

— Я послан от царя Дмитрия за чертежами Москвы,— сказал Иван по-немецки.

— Какие ещё чертежи? — удивился капитан. — Неужели в этой дикой стране есть какие-то чертежи?

— Царь желает изучить город, прежде чем в него въехать, — пояснил Иван. — А чертежи хранятся в Посольской избе.

Капитан шевельнул усами и махнул рукой:

— По мне забирайте хоть всю избу.

Иван нагрузил большую суму самыми необходимыми бумагами и спешно покинул Кремль.

Он ехал по улице Варварке к дому зодчего. Тут, как и в Лейдене, ему снова довелось выручить человека.

Свистя и улюлюкая, гнались за девушкой двое наёмников. Иван преградил им путь. Вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил. Один из преследователей упал. Другой кинулся бежать.

Иван подхватил девушку и ускакал. У Варварских ворот взгляделся в её лицо. Оно показалось ему знакомым.

— Кошель-то не потерял? — спросила девушка, улыбаясь. Это была Марьица.

НЕЛАДНЫЕ ВРЕМЕНА

Марьица привела Ивана к Пожарским.

Княгиня Пожарская была при дворе верховой боярыней. Там и заметила Марьицу, полюбила её, а когда умер царь Борис и погиб молодой Фёдор, взяла её к себе в дом.

Из всех Годуновых уцелела лишь царевна Ксения. Её заточили в далёкий северный монастырь.

— До чего пригожа наша царевна! — говорила княгиня. — И мастерица, каких нет. Марьицу вышивать научила. Разбил ей жизнь злодей-самозванец. Да недолго ему на Москве сидеть.

Иван всё лето и зиму трудился над картой. В доме Пожарских его приняли и полюбили. Князь Дмитрий Михайлович ростом невысок, но крепок, с глазом острым, речью живой. Учёность он уважал, сам многое знал, покупал книги. До Иванова дела был любопытен, расспрашивал:

— А это что, с конской головой сходное?

— Лапландский край, — отвечал Иван.

— А это?

— То море Каспиум. Оно мало обхожено, и очерк, боюсь, неточный.

— Велика же наша земля! — дивился Пожарский. — Ей бы мир да покой.

Но покоя и мира не было. Самозванец привёл в Москву иноземных людей. Воины его бесчинствовали, задирали московский люд.

Ударил в набат Москва, скинула ложного царя, прогнала вон шляхту.

С помощью бояр престол занял хитрый князь Шуйский. Народ его не любил, звал Шубником. И Шуйский поцарствовал недолго. Москва гудела, грозилась побить бояр. Те испугались и кинулись за помощью к польскому королю Сигизмунду.

Лихие, неладные времена! В Кремле опять иноземцы сидят, кругом разруха, голод, пожары... Куда же влечёт тебя, Русь?

Князь Пожарский со всем домом покинул Москву и переехал в родовое селенье под Нижний Новгород. Тут замыслил он великое дело...

ВСТРЕЧА

Безрадостным и тусклым выдался март 1611 года. На улицах жгли костры — грелись прохожие. Маленькое холодное солнце не давало тепла. В народе поговаривали, что быть снова неурожаю.

По Москве шли два человека. Одеты были неброско, говорили вполголоса.

— Здесь улицу перегородить и пушку поставить.

— С пушками беда. Иноземцы все в Кремль свезли.

— В Пушкарском дворе наши две пушки припрятали.

Один был высок, широкоплеч, другой крепок, но ростом пониже. Поговорили, разошлись в разные стороны. Высокий отправился к Китай-городу.

Навстречу ему шёл иноземец в распахнутой шубе. Остановился, удивлённо воскликнул:

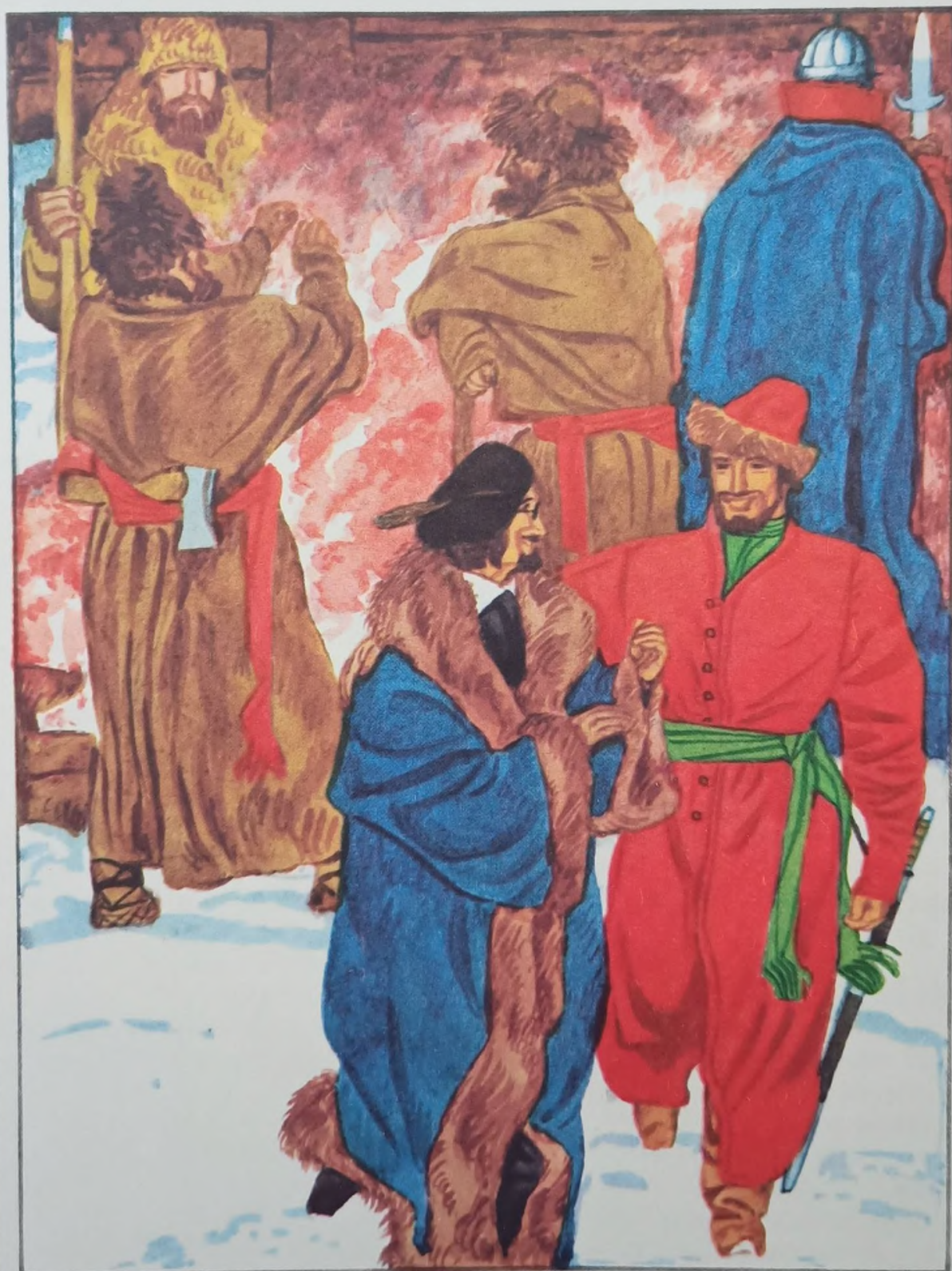
— Ты ли это, Юханнес!

Иван удивился тоже, в иноземце он узнал Астронома.

— Как ты здесь оказался?

— Я ведь люблю путешествовать, — ответил Астроном, — давно мечтал попасть в Московию.

— Неладное выбрал ты время, — сказал Иван. — Как твоя звёздная карта?

— Почти готова. А твоя? Мой товарищ открыл мастерскую печати. Там можно напечатать любую карту. Твою, например.

— Хорошо бы! — Иван обрадовался. — Я изготовил два чертежа. Думал отправить в Европу. В нашей стране разоренье, не до печати.

— Я отвезу твои чертежи, — пообещал Астроном. — И тем отблагодарю тебя за то, что ты спас мне жизнь.

— Быстрее уезжай, — сказал Иван. — В Москве будет жарко.

— Как же печатать карту? — спросил Астроном. — Под твоим именем?

Иван подумал.

— Нет. Царевич Фёдор начал этот труд. Пусть будет память о нём.

Они пожали друг другу руки.

— Я скоро вернусь, — сказал Астроном.

— Ты увидишь нашу землю свободной, — пообещал Иван.

В конце дня он снова встретился с невысоким спутником. Тот шёл с разгорячённым лицом.

— Легко ходишь,— сказал Иван.— Как бы не остановили. Издалека видно, что ты князь Пожарский.

— Устал хорониться,— ответил князь.— Воли хочу.

ВОССТАНИЕ

Грянул набат, вперебой забухали пушки. На Москве поднялось восстание против иноземных захватчиков.

Князь Пожарский вместе с Иваном бился на улице Сретенке. Восставшие перегородили улицу мешками с песком, брёвнами, опрокинутыми повозками. Спешно воздвигали острожек — малую деревянную крепость с бойницами.

Поляки решили поджечь город.

С трудом занималась деревянная Москва. Брёвна в холод-

ную зиму заледенели. Факельщики зажигали каждую избу по несколько раз.

И пожар разгулялся. Он сметал укрепления. Восставшие отступали. За пламенем шли наёмники, добивая раненых.

Пожар докатился до Сретенки. Вспыхнула деревянная крепость. Иван бился саблём с двумя наёмниками. В красных отблесках огня он увидел, как на Пожарского напали. Лицо князя было залито кровью.

Иван кинулся на помощь. Сумел одолеть одного неприятельского вояку, другого настиг клинок Пожарского. Князь был ранен, еле держался на ногах.

Удалось сыскать сани и увезти князя. За городскими воротами Пожарский очнулся и, глядя на багровое зарево, охватившее город, сказал:

— Мы ещё вернёмся. Русским жить на Москве.

«РАСКОЛОТЬ МОСКОВСКУЮ ЗЕМЛЮ НИКОМУ НЕ ПОД СИЛУ!»

Наступило лето 1612 года. Сошлись к Москве ополченцы из многих русских городов: Ярославля, Рязани, Смоленска, Суздаля, Переяславля, Казани и Нижнего Новгорода. Вели ополченцев князь Дмитрий Пожарский и нижегородец Кузьма Минин.

К засевшим в Кремле наёмникам спешила армия польского короля Сигизмунда. Два войска сошлись у стен Москвы.

Сияло августовское солнце. Жарко блестели латы. Белые клубы пушечных выстрелов вспухали на зелёных полях. Сшибались конные сотни и пропадали в тучах пыли. Звенели клинки, храпели кони, кричали воины.

Два дня длилось сражение. На третий день русские стали одолевать.

Иван командовал стрельцами. В Замоскворечье стрельцам удалось опрокинуть большой отряд королевской пехоты. Тут он увидел Марьицу. Вместе с другими женщинами она принесла раненым воды.

— Кошель-то не потерял? — крикнула она весело.

— Тут он! — Иван ткнул в железный нагрудник. Под ним на шнуре кручёного шёлка прятался Марьин подарок.

Польский гетман Ходкевич послал в бой последние роты. На

помощь Замоскворечью кинулись полки Минина и Пожарского.

Иван пробивался к шатру польского командира, который был окружён двойным рядом повозок. Из-за них торчали копья и мушкеты наёмников.

Внезапно из кольца повозок вырвался человек и, размахивая руками, кинулся навстречу Ивану.

— Юханнес! — кричал человек. — Это я! Это я!

Иван узнал Астронома.

— Они держали меня в плену! — кричал Астроном.

В это время один из наёмников выстрелил из пистолета в Ивана. Иван упал.

В глазах потемнело. Сделалось легко, и показалось Ивану, что он летит. Всё выше и выше. Сначала он ничего не видел, а потом загорелась звезда. Зелёная, ясная. «Здравствуй, Иван, — сказала она. — Вот ты и попал ко мне в гости. Глянь же вниз». Вся русская земля раскинулась перед взором Ивана. Вон город Москва, вон река Волга. Вон Чёрное море, вон Белое, а вон Уральский хребет. «До чего же карта моя неверная! — ужаснулся Иван. — Всё я неправильно изобразил. Да как же теперь переделать? Я, кажется, умер». — «Нет, — засмеялась звезда. — Поживи ещё. Карту поправь, Отечеству послужи. А я за тобой приглядывать буду».

Иван открыл глаза. Над ним хлопотала Марьица. Рядом стояли князь Пожарский и Астроном.

— Повезло тебе, — сказал князь. — Пуля пробила нагрудник, да в бляху, которой кошель украшен, попала. Спас тебя Марьин подарок.

— А я тебе карту привёз, — сказал Астроном. — Меня из-за неё и схватили, хотели её отобрать.

Астроном развернул перед Иваном бумажный свиток.

Оседало медное солнце, веяли дымы пожаров. Гремели ещё выстрелы, бурая пыль вздымалась столбом над уходящим вражеским войском. Сбежавшиеся стрельцы разглядывали ладно отпечатанный чертёж Московской земли.

— Это ещё править надо, — пробормотал Иван.

— Конечно, — сказал Астроном. — Затем и привёз. Это ведь пробный оттиск.

— В памятный день видим мы всё государство наше, — сказал князь Пожарский. — Много будет ещё раздора, войн да смуты. Но расколоть Московскую землю никому не под силу!

Закатное солнце бросало тёплый свет на карту Московской земли.

ИВАНОВ ЧЕРТЁЖ

Ещё через год исправленная и дополненная карта была отпечатана в парижской типографии Гесселя Герритса. Как и просил Иван, на ней поставили надпись: «По автографу, вычерченному под наблюдением Фёдора, сына царя Бориса».

Посмотрим и мы на Иванов чертёж. Так виделась страна нашим предкам. Много раз пытались создать русскую карту. В Посольской избе десятилетиями велась работа над «Большим чертежом», но войны, пожары и мятежи всё время прерывали работу.

Пробовали делать карту иноземцы. Императоры и короли хотели иметь карту московских земель. В Италии, Германии, Польше печатались такие карты. Но все они составлялись больше понаслышке, по рассказам путешественников. Карты эти не были точными.

Конечно, и на Ивановом чертеже кое-что покажется нам незнакомым. Хотя бы очерк Каспийского моря или изгибы рек. Но мы уже говорили, что в те времена всё мерялось на глаз, рисовалось по памяти. И можно только дивиться, что человек словно из далёкого поднебесья, словно от зелёной звезды мог взглянуть на свою землю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗЕЛЁНАЯ ЗВЕЗДА	3
МАРЬИЦА	4
КНИГА	4
НА БОЯРСКОМ ПОДВОРЬЕ	6
ТОРГ	6
ЦАРЕВИЧ ФЁДОР	10
УЧЕНЬЕ	12
В ЗАКАТНЫЕ СТРАНЫ	12
«Я ИЗУЧАЮ НЕБО...»	14
КАРТОГРАФЫ	16
ВОЗВРАЩЕНИЕ	17
«СПАСАЙ НАШЕ ДЕЛО!»	18
НЕЛАДНЫЕ ВРЕМЕНА	20
ВСТРЕЧА	22
ВОССТАНИЕ	25
«РАСКОЛОТЪ МОСКОВСКУЮ ЗЕМЛЮ НИКОМУ НЕ ПОД СИЛУ!»	26
ИВАНОВ ЧЕРТЁЖ	31

